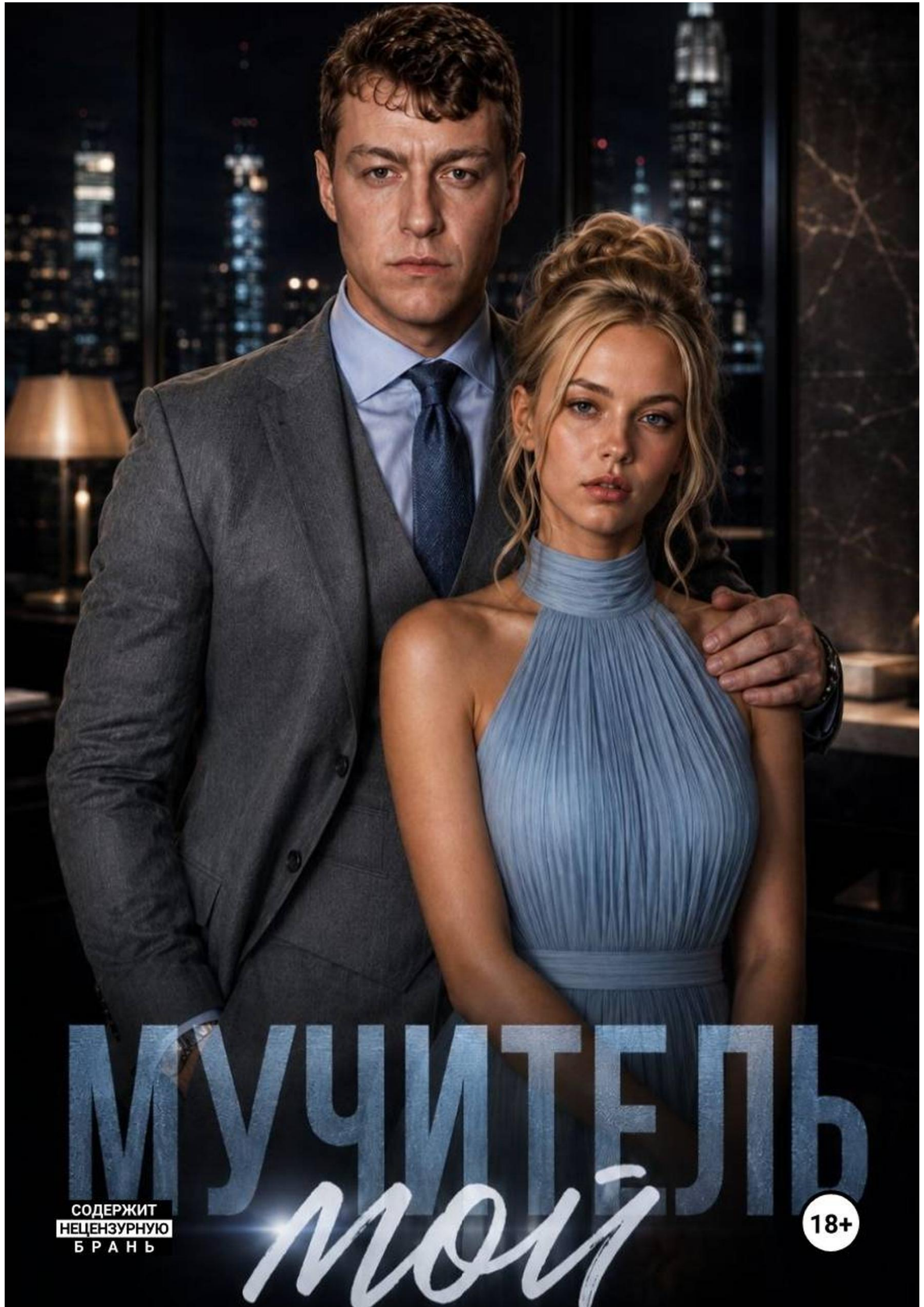

МУЧИТЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

мой

18+

Ева Яблоневская
Мучитель мой

«Автор»

2026

Яблоневская Е.

Мучитель мой / Е. Яблоневская — «Автор», 2026

При знакомстве с семьей будущего мужа меня ждал убийственный сюрприз. Антон - старший брат того, кого я любила еще в школе. Того, кто жестоко разбил мне сердце, бросив перед самым выпускным без объяснений. И лишь будущему мужу спустя несколько лет удалось хоть как-то залечить эту рану. Его брат смотрит на меня с ненавистью и неуважением, и угрожает разрушить наш брак. Семья принимает с большим напряжением, но Антон оберегает меня, как ангел-хранитель. Иногда самым диким страхам суждено сбыться. После того, как муж погибает во время гонок, а мне угрожают смертью из-за его долга в казино, я оказываюсь полностью во власти младшего брата, который легко может решить все эти проблемы. Только он меня люто ненавидит, хоть я и не понимаю, почему. Семен выкупает долг мужа и теперь я должна ему, и как я буду отдавать этот долг, решает только он. Жестокий, бессердечный и властный, он угрожает помешать мне получить наследство мужа и вообще деньги ему не нужны. Его цель - месть.

© Яблоневская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ева Яблоневская

Мучитель мой

Глава 1

Милена

Меня окутывает ледяной страх. Руки и ноги свело как от тридцатиградусного мороза. Я сижу связанная на стуле. Хочу закричать и не могу. Наверное, потому, что рот заклеен скотчем. Ко мне тянутся чьи-то руки, разрывают рубашку на груди. Пуговицы рассыпаются и прыгают бусинками по полу. Руки продолжают: ползут по коленям под юбку, вызывая приступ тошноты и брезгливости. Понимаю, что меня никто не спасет, и это придется просто пережить, но пытаюсь кричать уже не чтобы до кого-то докричаться, а просто чтобы выпустить страх наружу. Мерзкий голос предлагает поработать ртом, коль я так отчаянно этого добиваюсь, и сдирает с меня скотч. В этот момент я набираю воздуха в легкие и ору что есть мочи, но крика не слышу. Слышу почему-то визг тормозов, скрежет металла, и картинка перед глазами, покрывшись паутиной, как разбитое стекло, рассыпается на осколки. Только после этого я, наконец, слышу свой голос...

Я сижу на кровати. Растрепанная и вся в поту. Наплевав на всяческие религиозные и прочие приличия, в комнату вбегает Аслан и бросается ко мне, крепко стискивая в объятиях и пытаюсь достучаться до моего сознания:

- Все хорошо. Ты здесь, с нами, в безопасности!

Следом за ним в комнату влетает и его жена, Сальма. Она в ужасе таращится на меня, хоть это и происходит уже не впервые и только за сегодняшнюю ночь третий раз. Потом бросается к графину с водой и подает стакан Аслану, а тот, убедившись, что я вернулась к реальности, отстраняется, берет его и протягивает мне. Я пью жадно, до самого дна. Это сон. Всего лишь сон. Тогда почему же так страшно?

- Я снова вас разбудила. Простите! — шепчу и кошусь на Сальму. Та все еще стоит, прикрывая рот рукой. — Я не хотела... — голос тонет во всхлипываниях.

Я же не ребенок. Понимаю, что это. Просто организму нужно справиться со стрессом, но у меня почему-то не получается.

- Это не может продолжаться бесконечно. Надо что-то делать, — выдавливаю из себя.

Аслан хмурится и потирает небольшую темную бороду рукой.

- Завтра поедем в больницу. Тебя должен посмотреть врач и выписать успокоительные. И второе: протесты больше не принимаются. Я завтра же звоню Семену. В конце концов, он мужчина. Главный сейчас в семье. Он брат твоего покойного мужа, и именно он должен тебя защитить.

- Аслан... — выдыхаю. — Я не буду больше протестовать, поскольку выхода другого нет, но я не жду от Семена чего-то особенного. Он не мой брат. Он вообще меня ненавидит с самой школы, ты же знаешь, хоть я и не понимаю почему. И вся семья... их с Антоном родители... они смотрят на меня как на чужую. У нас все не так, как принято у вас. Моя семья, это папа с мамой. Только они ничего не смогут сделать, да и, боюсь, сбежать к ним в Таганрог тоже совсем не решение проблемы. Найдут.

- Я. Я тоже твоя семья. И теперь Сальма, — он протягивает руку жене, и та в ответ ее пожимает. И если я здесь, в Москве, еще никто и ничего не могу сделать, значит, моя задача найти того, кто сможет.

- Аслан, я с ней останусь до утра? — вдруг предлагает Сальма. — Она будет чувствовать, что кто-то есть рядом, и кошмар не придет снова.

- Хорошо, — соглашается Аслан. — постарайтесь скорее уснуть, все же нужно как-то выспаться.

Аслан мой друг детства. Мы выросли вместе. Наши отцы вместе служили, вместе женились, вместе родили детей, вместе работали на железной дороге, как и мама Аслана, а моя мама была врачом. Жили мы в Таганроге. Здесь выросли, учились в школе, получили паспорт, влюблялись, ссорились, мирились, но всегда были вместе. Несмотря на огромные культурные различия, нас с детства учили уважать чужие традиции и правила, поэтому мы знали праздники и правила друг друга так же хорошо, как и собственные. Между нами никогда не было романтических отношений. Аслан всегда был моим рыцарем в золотых доспехах, но не больше. В школе случалось разное, но одно было неизменно: мы всегда становились на защиту друг друга, будто и правда были братом и сестрой.

В московский институт тоже поступили вместе, и мои родители спокойно отпустили меня, зная, что он никогда не даст меня в обиду. Аслан был образцом мужчины для меня, как и мой папа, как и его отец, и уважение к женщине у меня впиталось намертво в кожу с детства. Когда Аслан женился, я немного переживала за наши отношения с Сальмой. Ведь я на самом деле не была его сестрой, и она могла неправильно понять нашу близость. Хотя мусульманская девушка и должна слушаться во всем мужа, и Сальма этому образу полностью соответствовала, но мне казалось, в ее глазах часто мелькало недоверие, а потому старалась минимизировать наше общение с другом. Аслан заметил, естественно, клещами вытащил причину и здорово меня отругал. Не знаю, говорил ли с женой — я не спрашивала — но напряжение между нами как будто спало. Лучше я стала себя чувствовать в этом вопросе, когда на последних курсах института стала встречаться с Антоном Прохоровым. Это на самом деле казалось сказкой, хоть из одной сказки я уже вылетела кубарем как раз накануне школьного выпускного, набив себе шишки. Однако, что было в тот раз волшебным пенделем, который меня из моей волшебной истории любви выкинул, я так до сих пор и не знаю. Очнулась, только когда оказалась брошенной на обочине реки жизни. Тем не менее жизнь дала мне второй шанс. Правда, зачем такой жестокий, я не знаю.

Антон погиб почти месяц назад. Поташил меня посмотреть нелегальные ночные гонки, обещал, что мы будем только зрителями, но сам снова сел за руль и разбился. У моего мужа был только один недостаток: он сильно любил адреналин. Адреналин был моим единственным соперником, и в борьбе за мужа я ему проиграла. После свадьбы клялся, что никогда не подвергнет свою жизнь опасности. Это было моим условием. Любовь любовью, но он должен был понимать, что теперь несет ответственность и за меня, и за возможных детей. Пора взрослеть. Все четыре года, что мы были женаты, он держался. Почему сел за руль, я узнала спустя две недели после его смерти, когда в наш дом ввалились бандитского вида неизвестные, привязали меня к стулу скотчем и доходчиво объяснили, как я буду отрабатывать карточный долг мужа, если не отдам деньгами. А пока они уважают мой траур и только делают предупреждение, чтоб я не сомневалась в серьезности их намерений. После того как муж погиб на моих глазах и после этого милого предупреждения меня и свалили кошмары. Тогда, когда я не перезвонила, меня нашел Аслан. В обмороке, привязанную к стулу, раздетую до белья и с парой синяков. С тех пор я жила у них с Сальмой. Однако это не может так продолжаться, и вопрос нужно как-то решать.

Утром следующего дня сижу под пристальным взглядом врача.

- У вас огромный стресс. Я выпишу таблетки на месяц. Это должно помочь. Ну и стресса вокруг тоже быть не должно. Вам нужно много отдыхать, не работать, не решать уйму задач, а заняться своим здоровьем. Иначе вы просто дойдете до точки невозврата. Вот это я могу гарантировать. И... Милена Андреевна, вы же понимаете, что я совершаю преступление, не сообщая в органы о нападении на вас?

- Доктор, ну... они же ничего не сделали, только пугали...

- И что? Дождемся, пока сделают? Я говорил с вашим деверем, он тоже просил молчать и пообещал, что решит ситуацию в ближайшее время. Что касается меня, то у вас месяц. Если я увижу, что улучшений нет и все только наоборот, я буду рекомендовать вам закрытую клинику и сообщу в органы обо всем, что с вами произошло. Договорились?

- Да, доктор.

Аслан стоял поодаль, хмурясь и сложив руки на груди, и в наш разговор с врачом не вмешивался.

Дверь палаты без стука отворилась, и в нее, как к себе домой, вошел Семен Елагин. Моя первая любовь, моя первая потеря, виновник моего разбитого сердца и мрак всей моей нынешней жизни. Я надеялась только на одно, что Аслану его Аллах даст терпения и здравомыслия не ввязываться в драку. Аслан не стерпит оскорбления в мой адрес, а Семен наверняка не удержится от них. Доктор быстро попрощался и вышел, а напряжение в палате возросло на порядок.

- Мы можем поговорить наедине? — без церемоний заявил Семен.

- Семен... — начал Аслан. Мы с ним заранее все обговорили, что я сама поговорю с Семеном, и он обещал держать себя в руках. Мы все учились в одном классе, и эти двое враждовали еще в школе. Малейшее потепление у них наметилось лишь в одиннадцатом, когда я и Семен стали встречаться.

- Аслан, у тебя, кажется, есть жена. И вот она — твоя зона ответственности. Милена — не твоя ответственность. Или ты решил взять ее себе второй женой? — в этом был весь Елагин.

У меня душа ушла в пятки. Религиозные споры, это не то, что заканчивается миром.

- Мы берем себе вторую жену, если в состоянии и за нее взять ответственность и обеспечить. Вы же пафосно клянетесь в верности, а после тайком изменяете с любовницами, как трусы, воруя у жены то, что по праву принадлежит только ей. Так что, по крайней мере, у нас все честно. Что же касается Милены, то я буду интересоваться ее жизнью и участвовать в ней как минимум до тех пор, пока рядом не появится достойный мужчина, которому ее можно будет доверить.

У Семена заходили желваки. Ему явно было нечего сейчас ответить, кроме как бросить надменный взгляд. Да Аслан и не дал ему ответить, просто вышел сказав:

- Я буду снаружи.

- Ладно. Больница, капельница, врачи — эффектно, я оценил. Что по сути? Твоя ручная горилла мне обрисовала в общих чертах.

- Семен, пожалуйста! — я попыталась сесть, чтобы не задеть катетер. Елагин стоял, рассматривая меня, и даже не потрудился помочь, что сделал бы любой нормальный человек в такой ситуации. — У меня сейчас нет сил на препирания. Просто выслушай, а потом будешь практиковать свои издевки.

- Я весь во внимании.

- Мне нужна твоя помощь.

- Надо же!

- Мне больше не к кому обратиться.

- А как же Асланчик?

- Если бы Аслан мог помочь, я бы никогда тебя не тревожила. Так или иначе, я вдова твоего брата. Меня прессуют за его карточный долг. Кроме моей зарплаты, которой эти деньги не перекрыть, и за долгие годы, я могу их взять только из наследства, которое мне оставил муж. И в любом случае мне понадобится твое согласие, чтобы получить эти деньги. Я уже молчу про то, что мне ждать вступления в наследство полгода, а до тех пор меня просто убьют.

- Что ж ты мужа довела, что его опять играть потянуло? — цинично и безжалостно заявил мужчина, которого я когда-то любила. — Ему так было с тобой скучно, что...

- Прекрати! — не выдержала я. — Ты прекрасно знаешь, что притом что я очень любила твоего брата, я согласилась выйти за него замуж при одном условии: больше не играть и не садиться за руль гоночного автомобиля. У моего мужа был один-единственный недостаток, это азарт, он же его и сгубил. В остальном у нас был идеальный брак. Если тебе завидно, то мне жаль.

Видимо, мой импульсивный снаряд ударил в самую точку, потому что лицо Семена брезгливо исказилось.

- Я еще проверю, насколько ваш брак был идеален. Обязательно. Не верится мне, что ты такая уж безутешная вдова.

Внутри все колотится. Ведь он же был там. Был, когда у меня случился припадок. Видел, как я импульсивно кинулась к взорвавшейся машине, и именно он меня удержал, чтобы я не попала под тачки других гонщиков и не полезла в пожар. А я была в таком состоянии, что полезла бы. И он все равно смеет делать грязные намеки.

- Что меня больше всего бесит, так то, что это ты просишь у меня помощи, но еще и смеешь при этом повышать голос.

Оправдываться, бессмысленное дело. Я била карту фактами:

- Даже если мне снова придется стерпеть побои и унижения, эти люди с меня ничего не получают. Потому что у меня просто ничего нет. Возможно, они даже убьют меня. Однако потом все равно придут к тебе и получают свои деньги. От перемены мест слагаемых, результат не изменится. Кроме как я могу жить или умереть, но кого это волнует, правда?

Я смотрела на когда-то родное лицо и искренне не понимала, куда делся тот мальчик, который целовал меня, словно я была его богиней, и на весь класс читал стихи для меня, если их задавали на уроках русской литературы. В этом человеке, словно сошедшем с картинки журнала, все также красивом, а теперь еще уверенном в себе, гордом и сильным духом, ничего этого не было. За идеальным фасадом представителя мужского пола была какая-то невысказанная злость на весь мир и необъяснимая ненависть... ко мне.

Меньше всего мне бы вообще когда-либо хотелось встречаться с этим человеком. И меньше всего в таком внутреннем состоянии и виде. После того душевного визита душевных людей я выглядела как бомжиха, избитая собутыльниками. На скулах красовались сине-зеленые подтеки, а губа все еще периодически кровоточила, хотя уже прошла неделя. Что было в моей душе? Одному богу известно. У меня даже нет времени как следует оплакать мужа, потому что приходится решать непонятно какие вопросы, которые мне бы и в голову никогда в жизни не пришлось решать. Инстинкт самосохранения заставляет спасать свою задницу, отодвигая на задний план все, чем можно заняться потом.

- Я заплачу долг. Сегодня же, — сказал Семен. - Твой Аслан отдал мне записи с камер в доме. Я нашел этих людей и уже поговорил. Только не думай, что для тебя на этом все закончится. Может, тебя и не пустят по кругу посетители их казино, но теперь ты будешь должна лично мне. И ты мне отдашь этот долг. Весь, до копейки. И я не спрашиваю твоего согласия. Иного выбора у тебя нет.

- Каким образом я буду тебе отдавать долг? Разве что могу отдать наш дом...

- На кой он мне?

- Продашь.

- Нет.

- Я работаю у тебя маркетологом, ты прекрасно знаешь размер моей зарплаты...

- Я знаю, что у тебя ничего нет. И даже если ты была замужем за моим братом, ты не имеешь никакого морального права ни на его долю в холдинге, ни на этот дом, ни на что вообще. Ты никто и звать тебя никак.

- Юридически я имею на это право, а значит, я им воспользуюсь.

- До того, как ты, может быть, им воспользуешься, и только в том случае, если я не оспарю завещание брата, только тогда, может быть, у тебя что-то будет. Но я тебе этого не обещаю.

- Семен, за что ты меня так ненавидишь? Ты ненавидишь меня с того самого дня, как Антон привел меня знакомить с семьей. В школе я тебя не бросала, это ты бросил меня без объяснений перед самым выпускным. Я перед тобой ни в чем не виновата. За что тогда? — даже зная, что меня только что растоптали, как букашку, я все еще не опускала головы. Достоинство, это последнее, что у меня вообще осталось. Ну и жизнь, которую я сейчас как-то пытаюсь спасти.

- Ха-ха-ха. Смешно. У тебя IQ хорошо выше среднего, насколько я помню, и ты мне задаешь такие вопросы?

- Ну, значит, тест ошибся.

- Завтра тебя выписывают, и ты едешь со мной. Будешь жить в моем доме и отрабатывать долг. Так как я захочу, когда я захочу и сколько захочу. Если попытаешься вякнуть об этом Аслану, пожалеешь и ты, и он. Его маленький и прочный бизнес в Москве, который он с таким трудом наладил, очень быстро закончится, как и его достаток. Посмотрим, насколько трепетно он и дальше будет к тебе относиться, потому что это все случится из-за тебя. Именно ты разрушишь жизнь своего лучшего любимого друга не разлей вода. Или кто он там тебе. Это понятно?

- Да, — ответила я, не чувствуя абсолютно ничего. Внутри будто все замерло. Эй, душа, ты там? Ты вообще еще жива?

Елагин сгримасничал:

- Тогда мое почтение, Милена Андреевна. До завтра, — и ушел.

Я сидела, глядя в одну точку. Только что меня, как вещь, перекупил у каких-то подонков еще один подонок, который не факт что лучше. Хотя в моем случае из двух зол наименьшее: я его хотя бы знаю. Хотя знаю ли? Я когда-то знала совершенно другого Семена Елагина. Главное: не расплакаться сейчас перед Асланом, я не могу навести на него беду. И родителям рассказать тоже не могу. Да и бесполезно это. У меня просто будет еще двое похорон, которые я уже точно не перенесу, и меня закроют в больничке, и не факт, что в платной и комфортной. Молчи, Милена, если хочешь как-то выбраться из всего этого дерьма.

На следующий день, когда я была готова к выписке, Семен прислал за мной двоих охранников. Я спросила, можем ли мы перед тем, как вернуться домой, заехать на кладбище. Возражений не последовало. Там я попросила их держать меня в зоне видимости, но дать побыть наедине. Вроде послушались.

У могилы Антона поставила в вазу большой букет кроваво-красных роз, которые купила в магазинчике у кладбища, убрала засохшие цветы и села на лавочку.

- Привет, Антош... — только и успела сказать шепотом, как из меня неудержимым потоком хлынули слезы.

Кроме родителей и Аслана, муж был единственным человеком, кому я была важна и нужна. Родители Семена и Антона меня приняли формально и то потому, что так приказал дед после знакомства со мной. Потом, похоже, под влиянием Семена они как минимум не жаждали со мной общаться, а как максимум предпочли бы, чтобы меня не существовало. Как меня так угораздило? Просто. Тот самый дед мальчишек по матери просил дать одному из внуков, если их будет двое, свою фамилию. Чтобы с замужеством единственной дочери фамилия не прервалась. Ему пообещали. Антону дали фамилию деда — Прохоров, а Семену — уже по отцу Елагин. Сложно передать свое состояние, когда я пришла знакомиться с семьей мужа, а встретила лицом к лицу с призраками из прошлого. Сама пыталась криво улыбаться, а выражение лица Семена я помню до сих пор.

В школе Антон учился на несколько лет старше, и я просто с ним не пересекалась, а дома у Семена никогда не была. Не успелось как-то. Мы с Антоном познакомились, когда меня как одну из самых успешных студенток отправили к ним в медицинский холдинг на стажировку. После университета я пошла туда работать, где осталась и после замужества. Антон намекал, что мне работать не обязательно. Жены такого уровня не работают, но я не смогла бы так. Мне нужно было реализовывать себя и просто делать что-то полезное, ощущать себя полезной этому миру. Подруги у меня были, но все остались дома, в Таганроге. Некоторые учились со мной в столице, но в результате вернулись работать домой, создали семьи, у некоторых даже были дети. Я же, выйдя за Антона, попала совершенно в другой мир, чужой мне мир, далекий от привычной реальности, и наше с ними общение свелось к минимуму, ибо мы теперь жили в разных вселенных. Но у меня был человек, который поддерживал меня во всем, и потому мне никогда не было страшно. Теперь этого человека не стало, а я осталась один на один с этим жестоким миром.

Я никогда не была душой, но далеко не понимала многих вещей. Сразу после свадьбы Антон составил завещание, а еще мы подписывали брачный контракт, по которому мне, кстати, немало причиталось, и только в случае крайней подлости с моей стороны не доставалось ничего. Потом почти сразу он вывалил на меня еще один момент, который просто не вмещался в рамки моей картины мира, но тем не менее. Муж показал документы, сказал, что это трастовый фонд на мое имя и что про него никто никогда не должен знать. Даже мои родители. Дал инструкции, что я им воспользуюсь только в случае крайней необходимости, когда нужно будет вообще начать жизнь сначала. Ну а если такого не случится, то ближе к пенсии. Так, я ни в чем не буду нуждаться, даже если наступит армагеддон, и я никогда не буду ни от кого зависеть. Лезть в трастовый фонд ради карточного долга пусть и большого точно не стоило, но если мне нужно будет сбежать или просто начать новую жизнь подальше от Москвы и семьи Антона, то я буду в шоколаде. Это немного успокаивало. Антона я поняла только теперь: чем бы мне ни угрожал его брат, его семья никогда не доберется до того, чем муж хотел меня обеспечить.

После знакомства с семьей Антона не все было гладко. Семен несколько раз ловил меня на работе и в городе, угрожая, что я не должна морочить голову его брату. Однако мы с Антошкой выстояли. Я получила предупреждение, что милости мне не будет, как только Семен застанет меня за изменой или за тем, как я обманом тяну деньги из мужа. Для меня это было абсурдом, но он не сомневался в моей непорядочности с какой-то упрямой болезненной уверенностью. Единственное, о чем я так сильно жалею, что у нас с Антоном не было детей. Он переболел свинкой в детстве, и врачи сказали, что наше счастье в наших руках. Ничего не исключено. Старайтесь и, возможно, будет дадено.

Не знаю, сколько я так проплакала, вспоминая свою жизнь, но в какой-то момент слезы закончились, и я бессмысленно смотрела в одну точку. Охранник вежливо нарисовался в поле моего зрения, и я кивнула. Напоследок присела и погладила улыбчивое лицо Антона на фотографии. Они с братом были сильно похожи, возможно, потому я подсознательно выбрала его. Потому что в школе была влюблена в его родного брата.

Пока иду к машине, набираю своего старого охранника, который работал на мужа.

- Владь, привет!
- Привет, Милена Адиевна! Рад вас слышать очень! — слышу бодрый привычный басок.
- Скажи, Владька, ты нашел работу?
- Угу. Семен Анатольевич всех забрал к себе. Я завтра приступаю.
- Отлично. А где, не знаешь? В доме или в холдинге?
- Вроде в доме.
- Хорошо. Значит, увидимся, Владь. Я тоже теперь в этом доме.
- Правда, что ли? Здорово как. Может, я снова при вас буду?

- Угу. Только вряд ли он тебя ко мне приставит. Мы ж с тобой из одной команды, считай заговорщики, а ему нужно, чтоб про каждый мой чих докладывали, — кошусь на амбалов по обе стороны от меня. Оба недовольно хмурятся. Один открывает мне дверь машины, пока прощаюсь с Владом, второй садится за руль.

Едем в особняк Семена. Его родители живут отдельно, на другом конце того же роскошного поселка подобных им богачей. А наш с Антоном дом находится в другом поселке. Видя, как в штывы меня принимают его родственники, Антон резко сократил наши визиты к ним, и даже дом принципиально выбрал подальше.

В голове царит полнейший хаос. Что делать? Что меня ждет? Чего конкретно хочет Семен? Он что меня будет своим друзьям на ночь продавать? С него станется. Даже не удивлюсь. Хотя он и родом из Таганрога, но давно стал москвичом, а у богатеньких москвичей есть такие забавы. Сказал же вроде, что отдавать долг буду лично ему, и это лучше, чем с посетителями казино. Значит, другим не продаст. Но это не точно. Мои глаза опухли так, что даже трудно смотреть. На кого я сейчас похожа? Рожа, наверное, вся красная. Нужно как-то привести себя в порядок. Надеюсь, он даст мне на это время. В том, как именно мне придется отдавать долг, теперь я даже не сомневалась. Хорошо бы еще время на траур выделил, но... это вряд ли. Боже, о чем я вообще думаю и где мой привычный мир? Мне нужно панихиду на 40 дней Антону заказать и отстоять... Завтра поеду. Да, точно завтра. Ведь уже совсем скоро.

Глава 2

Семен

Сева говорит, что это моя карма. Эта женщина. Я не проработал ее как следует и не отпустил. Теперь она меня будет преследовать, как преследует всю сознательную жизнь. Мне, наверное, было бы легче, если б она умерла или исчезла с белого света. Тогда бы, возможно, я ее забыл и отпустил.

Совершенно за гранью моего понимания, как можно быть настолько лживой и выглядеть при этом как ангел, сошедший с небес, и вести себя как жертва. Наверное, от природы гениальная актриса. Уже б Оскара получила, если бы снималась. Теперь играет роль убитой горем вдовы. Ничего, я выведу ее на чистую воду. Наследство Антохи она не получит, не заслужила. Брат любил ее без памяти, как и я когда-то, ему простительно. Он был глуп и слеп, а я уже прозрел. Резко и жестоко. Она получит ровно все, что и заслуживает такая циничная шлюха, какой всегда и была. Хочет свободы — пусть отрабатывает по полной, как и положено шлюхе. Большие деньги запросто так с неба не падают.

Но надо отдать ей должное, играет она блестяще. Прекрасно понимает весь расклад и тем не менее держит голову высоко, словно королева в изгнании. Кажется, даже поставив ее на колени, не увижу, как она роняет свою корону. Уронит. И переживет то унижение, которое пережил когда-то я. Главное — не дать слабину.

Когда позвонил Аслан и я приехал к ней в больницу, увидел избитое лицо, внутри все дрогнуло. Неправильно дрогнуло, и выдержка меня чуть не подвела. Приехав домой, напился. Поистине страшно было признать, что первым желанием в больнице было обнять ее так крепко, чтоб кости хрустели, и сказать, что ей больше нечего бояться, что я скорее сам умру, чем позволю причинить ей боль еще раз. Не-ет, так не пойдет. Нужно вовремя принимать что-то отрезвляющее от ее ядовитого влияния.

Если бы Антон не умер, для него со временем все закончилось бы так же, как и для меня. Она не считается с чужими чувствами, а поступает ровно так, как и сказала тогда, еще в юности: вижу цель — не вижу препятствий, не один брат, так другой, не они, так их отец, а еще есть друзья и другие олигархи.

Вижу, как в ворота въезжает машина, которая должна ее доставить из больницы. Долго задержалась. Охранник передал, что заезжали на кладбище. Какого там делать так долго, непонятно. Надо будет камеры посмотреть, я приказал установить с самого первого дня. Со смертью Антона все как-то не слишком прозрачно. Мысли всякие были. Конечно, следовательно говорит, что с информацией о большом долге в казино, по его мнению, все становится на свои места. Вряд ли здесь было заказное, но он еще будет опрашивать друзей Антона.

Ох, ты ж сука, как я тебя ненавижу! Ненавижу! Я едва не сказал это вслух, завидя, как она вышла из машины. Ну точно, несчастная королева в изгнании. пышное платье по фигуре с многослойной юбкой, подчеркивающее бомбезное декольте, и черный плащ поверх с королевским воротником и подкладкой бордо. Черные лаковые туфли на устойчивом высоком каблуке, в руках клатч. В белокурых волосах какая-то кружевная заколка, тоже черного цвета. Ни хера себе вдовушка! Ей только на подиум или мужиков соблазнять. Пошел встречать.

Милена вошла в просторную гостиную, ни грамма не выказав восхищения роскошью или чего-то подобного. Да ладно, ты ж к этой жизни стремилась, вот она перед тобой. Вот так выдержка, мне точно есть чему поучиться.

- Добрый день! — поздоровалась.

- Добрый, — я ответил, борясь с желанием рассматривать ее... нет, пожирать глазами.

- Прошу прощения, — на пороге появился охранник с небольшим чемоданом, — куда отнести вещи Милены Андреевны?

- Оставь, я сам, — приказываю и дополняю. — На сегодня свободны. — Он и его напарник удаляются через главный вход, не рискуя сейчас идти на кухню через хозяйские апартаменты.

Снова украдкой бросаю взгляд на бывшую невестку. Стоит как кукла и смотрит куда-то перед собой. Какого хуя очки напялила, сегодня на улице пасмурно — непонятно. В глаза мне стыдно смотреть, что ли? Ну-ну. Подхватываю чемодан и иду наверх. Следом слышу вздох, будто делает одолжение и шаги за своей спиной.

- Это твоя комната, — вхожу в ту, что рядом с моей, ставлю чемодан.

Милена входит следом и равнодушно оглядывает интерьер. Потом делает несколько шагов вглубь, толкает одну из дверей и бегло осматривает ванную, дальше идет к двери слева от кровати и заглядывает в нее. Там такая же размером комната — гардероб. Реакция без энтузиазма. Бросает перчатки и клатч на кровать и идет к последней двери, задрапированной шторами. Открывает и видит мою спальню. Как будто этого и ждала. Хлопает дверью и возвращается.

- О впечатлениях не спрашиваю. Иначе не будет.

- Сойдет. И на том спасибо, — слышу вердикт и немного разочарован. Сейчас бы вообще в других интерьерах отдыхала, если б не я. - Я могу сегодня отдохнуть? — смотрит на меня сквозь цветные стекла оттенка антрацита.

- Сегодня можешь. К ужину позовут, — что она там прячет под очками? Ужинать тоже в них будет? Уже собираюсь уйти и какого-то черта спрашиваю, — Тебе горничная нужна?

- Нет, — ответила, как полоснула саблей.

Ну и пошла на х... еще недовольство выказывает, ты посмотри, фифа нашлась. Чего бешусь? Сам же нарвался.

Ужин проходит в гробовом молчании, рассекаемом лишь стуком посуды и приборов. Очки таки сняла. На лице плотный слой штукатурки, синяков совсем не видно. Красноты тоже не видно, но глаза опухшие. Охранники доложили, что плакала минут сорок пять на могиле Антона. Догадывается, что камеры могут быть? Вот шельма. Если хочет вызвать жалость, то зачем тогда прятать от меня следы слез?

- Ужин не нравится? — спрашиваю, не особо рассчитывая на ответ.

- Напротив, все очень вкусно. Спасибо, — отвечает спокойно.

- Завтра на обед родители приедут, — сообщаю.

- Меня это каким образом касается? Я никто и звать меня никак, забыл?

- Они знают, что ты теперь живешь здесь... — бросила на меня такой взгляд ледяных глаз, что я, к своему стыду, запнулся.

- Мы договорились, что долг я отдаю лично тебе. Не твоим родителям, не твоей матери, которая обожает меня изводить. Ты меня купил, значит, ты и пользуйся, а выслушивать еще и оскорбления сторонних лиц при этом я не намерена.

Смотрю, не в силах отвести взгляд. Господи. Да что ж такое! Она только приехала, а внутри просто... Черт бы тебя побрал, Милена! Черт! Черт! Черт!

- Не будет никаких оскорблений. Про долг Антона родители знают. И знают, что какое-то время тебе лучше побыть под моей защитой. Это семейное дело. — Из нее вырывается циничный смешок.

- Под защитой... семейное дело... Может, еще расскажешь им, как именно я буду тебе долг отдавать? Сомневаюсь, что место твоей очередной подстилки с ними за столом, так что все без меня, — вскочила, собирается уйти. Ловлю за руку, когда торопится пробежать мимо меня, и тоже встаю, притягивая ее ближе.

- Я одного не пойму: какого строить из себя такую правильную? Ты же никогда не скрывала своих целей. Ну погиб Антон, бывает. Это жизнь. Я, между прочим, так же красив, как и брат, так что эстетическое и прочее удовольствие тебе обеспечено. От бандюг я тебя обез-

опасил. Руку на женщину я никогда не подниму, как бы ни хотелось. Могла бы побыть хоть немного благодарной. Чего ты? Не один ли хер, с кем тебе спать, чтобы жить безбедно, а? Тем более на таких царских условиях.

В следующую секунду мне прилетает такая пощечина, что едва искры из глаз не сыплются. От шока даже не понимаю, как реагировать. Щека горит. К реальности возвращает презрительный шипящий тон Милены прямо в лицо:

- Я могла бы сказать, что ты слишком высокого о себе мнения, но есть вопрос поважнее. Ты вообще помнишь, что послезавтра сорок дней или у тебя вообще ничего святого нет?

Смотрю на нее, и пазлы не сходятся. Дай ей сейчас в руки пистолет, она бы меня просто застрелила. Столько отчаянной ненависти сейчас в глазах. Будто я только что убил беззащитного котенка голыми руками у нее на глазах.

Вырывается из моих рук и бежит наверх. Это лишь первый день, а у меня уже навязчиво закрадывается мысль, а не переоценил ли я свои силенки?

Ну что?! Что меня в ней так приворожило, что я добрый десяток лет не могу от этого избавиться?! Красива? Да. Даже слишком. Но к красоте тоже привыкаешь. Крупные голубые глаза, меняющие оттенок в зависимости от настроения и погоды. Полные правильные губы, которым никакая гиалуронка не нужна или что там в них колют. Густые мягко выющиеся волосы натуральный пепельный блонд вызывают непреодолимое желание потрогать и зарыться в них лицом. Не тощая, не худышка — плавные мягкие формы, о которых на данный момент я даже думать не в состоянии иначе начинаю выглядеть конфузно. А этот ее запах цитруса и персика... Блядь!.. К этому всему прилагается отличный мозг. Я могу сотню раз ее оскорблять, что она получила должность ведущего маркетолога через постель моего брата, но это не так. Она отличный специалист.

Вместо того чтобы озвереть от пощечины, только стоял и думал, как не наброситься на нее. Именно так и выглядит самое страшное коварство в женском обличье. Вкуси, Семен, яблочка, и хана тебе! В муках сдыхать будешь от яда. Есть в ней, наверное, еще что-то. Чего я не понимаю, а просто послушно иду на зов, думая, что на самом деле все контролирую.

Нет. Контролирую я и только я! И я решаю, что, когда и как! Нельзя позволить этому наваждению снова мной завладеть.

Придумал предлог, с которым зайти к ней перед сном. Естественно, с видом хозяина. Аж опешил. Сидит в пеньюаре прямо на полу, опираясь спиной на кровать, и тихо, беззвучно плачет, но едва увидела меня... Ей-богу, дай дубину — пришибет.

- Какого черта ты ко мне врываешься? Я же просила сегодня отдохнуть! - Не нахожусь ничего ответить. Вздыхаю и не торопясь ухожу, будто это не меня только что послали в моем собственном доме.

Следующие два дня проходят скучно. Она ездила в их с братом дом за вещами и еще привезла целую оранжерею цветов. Блядь, вот что мне с ними делать? Пусть сама, что хочет, то и делает. Вот: я уже позволяю ей менять мою жизнь. На обед с родителями не пришла. Отбивался сам. Мама интересуется, на каких она здесь правах и не вызовет ли это дурные слухи в обществе. Обществу в основном посрать, что происходит за семиметровыми заборами, если только нечто из ряда вон выходящее не попадает в соцсети и прессу. Мама переживает, что ее присутствие повлияет на мою возможную женитьбу. Ага, как же! Да эти стервятницы, которых она мне в жены прочит, готовы быть и второй, и третьей женой, и даже пятой любовницей, только бы получить хоть какой-то доступ ко мне. Одна Милена им точно не помешает.

Охрана доложила, что она три часа стояла на службе в церкви. Плакала, крестилась и, наверное, молилась. Они с нее глаз не спускали, хотя она и просила их приехать часа через четыре. Потом о чем-то поговорила со священником. Не понимаю... Переигрывает или грехи замаливает? Мы тоже были в храме, но в другом. Пафосном и помпезном. Хотя не знаю, имеет ли это значение для брата, где бы он сейчас ни был. Мама тоже заказывала службу.

Мне не обязательно было стоять все время, и я, формально отметившись, уехал. Самое странное, что прессы не было. Пара человек и то, по-моему, самозанятые. А вот Милену на выходе ждала толпа, и моим молодым пришлось ее ограждать от жаждущих получить ответы на свои вопросы. Я ролик сразу в интернете посмотрел.

- Я не понимаю, какой сенсации вы здесь ищете? — сказала в микрофон. - Сенсации живут там, где кипит жизнь, а здесь только скорбь.

- Это правда, что вы теперь будете жить в доме брата покойного мужа?

- И в чем подвох? — парировала без малейшего всплеска адреналина. — Мы знаем друг друга всю жизнь, еще в школе вместе учились. Потом я стала частью семьи Елагиных. Чего здесь удивительного? Я в трауре, и мне тяжело, кто еще может оказать мне поддержку, как не самые близкие? Оправлюсь немного от горя, и тогда наступит время продолжать жить дальше. Боюсь больше вас потешить сегодня нечем, — врет, конечно, не чувствует она никакой нашей поддержки, но слова правильные и обрубают все лишние вопросы.

Милена приехала домой в тот день с таким опустошенным видом, что даже не осмелился заговорить. Позвать на ужин послал горничную. Сказала, будет ужинать в комнате. Всю следующую пятницу мы даже не виделись. Вечером я приехал уже слегка поддатый после рабочего дня, когда она спустилась в столовую. Опять всю трапезу молчит. В черном шелковом халатике чуть ниже колен. Думает, что напоминание о трауре такой себе щит для нее? Вот уж дудки. Сегодня он ее точно не спасет. А о себе невольно думаю, что возможно, все мое болезненное отношение к ней кроется в одном: в навязчивом желании трахнуть. Вдруг вся эта одержимость разом закончится? Мозг поставит галочку и все. В голове аж закружилось от мысли, что так просто могу получить свободу. Свободу от нее. Ведь все эти годы я был ее рабом. Рабом Милены, хоть она о том и не знала.

- Я сегодня хотел бы... — слова теряются. Где ж ты подевался, грозный, беспощадный и злой Семен? Поворачивает голову ко мне и смеривает взглядом.

- Ты хотел сказать, что у меня сегодня первый рабочий день? То есть ночь. Хорошо. С понедельника я выхожу с больничного в холдинг. Поэтому планирую свои развлечения так, чтобы они как минимум не мешали моей основной работе. Не накануне важных совещаний или переговоров. Если невтерпех, то начинай раньше, чтобы можно было выспаться. И один день в неделю, можно плавающий — выходной. Чтобы я была уверена, что в мою комнату хотя бы сутки никто не вломится.

Мой слегка затуманенный виски мозг вообще отказывается обрабатывать ее нотации. Семен, соберись! Как ты собрался наказывать и истязать женщину, сломавшую тебе жизнь, в таком состоянии? Это же она у тебя отрабатывает, но и она же почему-то ставит условия. Наш ужин уже закончен, и единственное, что я в состоянии прорычать ей, чтобы не впадать в словесные перепалки:

- Иди в душ!

Сидит и смотрит в упор, пока я, значит, не приму ее условия. Смотрю на нее также в упор и добавляю:

- Хорошо. — Только тогда поднимается и с королевской осанкой идет наверх, а я смотрю ей вслед и понимаю, как не хочу никакой вражды, никаких споров, никаких скандалов. Я на самом деле, наконец, хочу покоя. И ее. Может, я зря сегодня хлебнул виски?

Глава 3

Милена

- Думаешь сломаешь? Да хер тебе Елагин! — смываю остатки геля для душа и разговариваю сама с собой. — Либо ты меня, либо я тебя. И тогда уж лучше я. Ты мне сделал когда-то очень больно. Вот эта боль, которую твой брат успокоил и прогнал глубоко, в самые темные уголки моей души, выйдет наружу и станет твоим поражением.

Волосы уже сегодня мыла, потому просто промокаю их, снова распушившиеся от влаги, пештемалью и расчесываю. Срываю ценник с комплекта цвета морской волны — кружевная ночнушка и, одно название, такие же трусики в тон — душу скребет мысль, что покупала для Антона и так и не успела надеть. Гоню ее взащей. Нет, я не дам себе расклеиться! Иначе меня пережуют и выплюнут. Здесь, глядя в зеркало, обещаю себе, что обязательно погорю замужем как полагается, но позже. Если я сломаюсь и окажусь в психушке, моим родителям точно не станет легче. И Аслану. Да и Антон вряд ли одобрил бы такую слабость. Пусть его бесстыжего брата мучает совесть, если она у него где-то там есть на задворках сознания, а мне себя винить не в чем. Коль сбегать я не могу, то выход один: расслабься Милена и получай удовольствие. Как бы смешно это ни звучало в моем положении.

Душистое масло втерла еще в душе, но, нацепив золотистые шлепки на высоком каблуке ставлю ногу на кровать и демонстративно продолжаю натирать слегка загоревшие ноги — заскочила-таки в суматохе в салон, а то, как суповая курица, голубого цвета уже стала, а солнце только начало припекать. Сейчас припечется...

В ответ на мою мысль слышу, как открывается смежная с его спальней дверь. Это ж надо же удумал? Чтоб прислуга даже не видела, что творит хозяин. Да они и так про дверь знают. Убираются же все время.

Семен задерживается на какое-то время и прям жопой чувствую, как он в эту самую жопу впивается взглядом. Да таким, что если б она могла краснеть, то уже б была как два помидора. Я не реагирую и меняю ноги, продолжая растирать масло. Представляю, какой там у меня вид, ночнушка и так едва прикрывает ягодицы, а я слегка наклонилась. Настрой боевой: саблю в руки и в атаку, но женщиной правят эмоции, увы. Эмоции у меня сегодня точно не для секс-марафона. Чувствую, подведут.

Слышу шумный выдох. Елагин обходит меня и становится спереди, сложив руки на груди. Он тоже после душа. Мокрые кудри цвета золота, слегка темные от влаги. Когда-то я обожала их перебирать пальцами. Зеленые глаза потемнели. На бедрах полотенце, из-под которого уже явно вижу результат своей выходки.

Выпрямляюсь, спускаю ногу на пол, одну руку поставив вбок, и смотрю на него. Жалкое зрелище. У него сейчас не только изо рта слюни потекут, но и из ушей. И не только, если так продолжим стоять. Взгляд ощупывает охеренное декольте, уж мне там есть чем похвастаться и все натюрель. Хотелось бы позлорадствовать над Семеном, но понимаю, что самой сейчас мне будет дико больно, учитывая размеры того, что спрятано под его полотенцем, если я не переключу мозги. Есть у меня такая суперспособность, и самое время ею воспользоваться.

Еще в школе меня прозвали железной леди, потому что во время экзамена или контрольной я ни разу не поднимала головы от своей работы и в упор никогда не слышала, что творится в классе. Естественно, мыслишек подсмотреть или списать, у меня тоже соблазна, не было, ибо решала все своими мозгами. В шумном классе я могла полностью отключиться и выучить не один параграф. Вот просто словно опускала щит между собой и окружающим миром. Давай, Милена, отключай мысли, как переспать с врагом, просто вот есть эта комната, ты и он, ничего больше не существует: ни обстоятельств, ни Антона, ни морали.

Вдруг резко хватает меня ручищами, бросает поперек кровати, отчего я ахаю, а сам опирается коленкой у меня между ног. Взгляд просто мутный, как у ничего не соображающего самца. В принципе так ведь оно и есть. Полотенце улетает на пол, и я бессознательно облизываюсь от открывшейся картины, чем вызываю у Семена легкую усмешку. Он наклоняется и целует мою внутреннюю сторону бедра, проглаживая по нему дорожку из поцелуев выше, а руки сами тянутся к груди, касаясь ее нежно, но настойчиво. Я наконец спасена от его взгляда, но понимаю, что отклика в теле примерно ноль целых, ноль десятых.

Пальцы Семена касаются нежных складок и стягивают трусики. Он, бросив на меня еще один взгляд, наклоняется и целует. Блядь, ну как это у нас, у женщин, работает?! Как проститутки спят с клиентами, которые им даже и не нравятся? А тут, если отсечь все условия, он дико красив и обаятелен, да любая бы четвертовала меня сейчас, чтоб на моем месте оказаться. А мне пофиг. Ну вот просто пофиг. В другой раз я бы уже стонала и умоляла не останавливаться, а я лежу, зажмурившись в потолок. От резкого движения его пальцев внутрь шумно выдыхаю и отворачиваюсь к туалетному столику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.